

Тукачева Юлия Сергеевна

аспирантка кафедры философии
Сургутского государственного университета
nicastar@mail.ru

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЕНДЕРА

Аннотация:

Статья посвящена описанию научной разработанности гендера. Рассматриваются этапы его теоретического и методологического становления. Акцентируется гендерная проблема образования. Приводится анализ теории феминизма отечественными исследователями. Раскрывается содержание теории гендера как культурной метафоры, стратификационной категории, гендерной системы.

Ключевые слова:

гендерные исследования, гендерные теории, биологический детерминизм, социальное конструирование гендера.

Tukacheva Juliya Sergeevna

post-graduate student of the chair of philosophy,
Surgut State University
nicastar@mail.ru

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF GENDER

The summary:

The article describes the scientific exploration of gender. The stages of its theoretical and methodological development are considered. The gender problem in education is emphasized. The analysis of feminist theory by domestic researchers is conducted. The content of the theory of gender as a cultural metaphor, the stratification categories, the gender system is revealed.

Keywords:

gender studies, gender theory, biological determinism, social construction of gender.

История гендерной теории берет свое начало со времен Античности (4–5 в. до н. э.). С именами Платона, Аристотеля и Сократа связано формирование патриархатной философской традиции, составившей основу философского принципа фаллоцентризма. Суть его заключалась в символической ассоциации мужского с рациональным, а женского с эмоциональным. Следует отметить, что объектом оспаривания гендерной принадлежности со времен античности являлось образование. Если Платон в виде исключения указывает возможности образования согласно способностям, природе, а не половой принадлежности, то Аристотель категоричен в своих определениях и природой оправдывает способность к образованию мужчины с целью в дальнейшем заниматься развитием и управлением государства [1, с. 105–112; 2].

Культура Средних веков (патристика (1–5 вв.), схоластика (6–14 вв.) в лице Августина (телесное и символическое значение женского), Фомы Аквинского (дуализм феминного и маскулинного) поддерживала символическую функцию, отождествляющую «женское» с греховной, извращенной чувственностью. Таким образом, формировался абсолютизм патриархатной (монархической) власти. В Новое время (17 в.) изменилось восприятие мужского и женского, что было связано с началом научного познания окружающего мира. Основоположник этой тенденции Ф. Бэкон, а затем его последователь Декарт называли природу – Она, а знание, разум и науку – только Он. Возникла идея «очищения» знания и подавления феминного в культуре.

Эпоха Просвещения (18 в.) характеризуется новыми теориями в истории гендера. В этот период встала задача – не подавить чувства, т. е. феминное, а управлять ими с помощью разума. Например, Жан-Жак Руссо считал, что только мужчина, не имеющий тесной связи с природой, посредством своего Разума может постигнуть истинную человеческую природу. Таким образом, Руссо все же предлагал исключить женщин из гражданского общества в область семейного и частного из-за их интеллектуальной неполноценности. Тем не менее именно ему принадлежит просветительская идея о том, что женское начало обладает рядом позитивных качеств, которые оказывают важное влияние на про-

цесс формирования мужского субъекта. Однако женская чувственность, по его мнению, характеризуется чрезмерной сексуальностью, поэтому ее необходимо контролировать. Теория «естественного» женского воспитания строится у Руссо как концепция надзорного воспитания, основными условиями которого являются: 1) домашнее воспитание, сокращение до минимума контакта с внешним миром и с обществом; 2) воспитание женщины для материнства; 3) непрерывность воспитания, в процессе которого функции отца-воспитателя после замужества женщины переходят к ее мужу. Благодаря системе надзорного воспитания, женщины, по мнению Руссо, могут естественным образом проявить свою чувственную природу в материнстве. Таким образом, в теории женского воспитания Руссо стоит на патриархатных позициях, он фактически является противником женской эмансипации.

Иммануил Кант (1724–1804), основоположник немецкой классической философии – наиболее значительный после Руссо теоретик гендерной проблематики эпохи Просвещения. Кант, в отличие от Руссо, считает, что различие мужской и женской субъективности определяется не особенностями женской чувственности, а различием интеллектуальных позиций, то есть способом, которым мужчины и женщины используют свой разум. В философии Канта сохраняются приоритеты, характерные для патриархатной философской традиции в целом: женский субъект не имеет доступа к сфере привилегированного философского познания, что обуславливает его подчиненное положение и более низкий статус в культуре в целом. Поддерживал позиции Канта и Гегель. В его представлениях семья – низшая ступень гражданского общества, а «низший мир – мир женщин». Любая трансформация женщины с целью выйти за рамки семейных отношений является угрозой гражданскому обществу.

Оспаривает женскую интеллектуальную неполноценность первый феминистский проект в истории философской мысли – теория Мери Уоллстонкрафт. Обосновывая идею женских прав, Уоллстонкрафт опиралась на положения либеральной теории английского философа Джона Локка о необходимости признания равных прав для всех «полноценных граждан». Рассматривая современное положение женщин, Уоллстонкрафт признает, что большинство женщин еще не готовы к тому, чтобы действовать на равных с мужчинами, так как их разум недостаточно развит из-за преобладания в нем чувственных характеристик. Причиной несамостоятельности женской субъективности является, по ее мнению, не природный недостаток женского мышления (как в просветительских концепциях Канта или Руссо), а отсутствие возможности образования для женщин. Утверждая, что женская часть человеческого рода должна рассматриваться прежде всего по общечеловеческому, а не по половому критерию, она решает отнести всех индивидов к высшей (маскулинной) категории, которую она представляет как сексуально и гендерно нейтральную. Огромная заслуга Уоллстонкрафт заключается в том, что она впервые проанализировала традиционную модель женской субъективности как искусственный социальный конструкт, созданный в рамках мужской культуры и выступила с критикой многих характеристик патриархатного общества, которая положила начало всей последующей феминистской критике.

В истории гендерной теории был период, когда чувственное начало получает приоритет над рациональным, а женское – над мужским, получивший название – Романтизм (18–19 вв.). Его представители: Новалис, Вильгельм Вакенродер, Людвиг Тик, Фридрих Шлейермахер, А. Шлегель (интерпретация женского в виде символической чувственности). Однако женская творческая субъективность интерпретировалась ими в качестве пассивной, а мужская – в качестве активной. Таким образом, они продолжали поддерживать принципы патриархатного устройства общества.

Социальную норму в качестве равноправия мужчин и женщин в обществе продвигают представители социалистической и марксистской философии (18 в.) – Сен-Симон и Фурье, Маркс и Энгельс («Происхождение семьи, частной собственности и государства»). Все они ратуют за воссоединение онтологических принципов маскулинного и феминного.

Утверждение феминности и подрыв фаллоцентризма происходят в неклассической философии Ницше (19 в.). Он впервые в истории философии формулирует концептуальные основания для 1) репрезентации феномена женского в философском дискурсе и 2) подрыва тем самым классической патриархатной мизогинистской традиции в философии. Сознание, разум, утрачивает у Ницше приоритет перед телом и рассматривается не как самостоятельная сущность, а как продукт деятельности тела. Принцип телесности позволяет рассматривать модель субъективности как множественную, включающую не только рациональные, но и чувственные, нерациональные характеристики. Ницше называет данную модель эксцентризмом – обретением идентификации в процессе постоянного отказа от тех нормативных (в том числе гендерных) идентичностей, которые навязываются индивиду традиционным обществом. Таким образом, тело выступает как социальное и культурное, что определяет способность телесности к становлению.

Дальнейшее развитие философской концептуализации женского на основе философии Ницше представлено в двух основных философских критических дискурсах современности, таких как 1) постструктурализм и постмодернизм (Лакан, Деррида, Делез, Фуко, Лиотар) и 2) философия феминизма (Батлер, Брайдотти, Иригарэ, Кристева, Гросс). Концепция тела как эффекта власти, принадлежащая М. Фуко, утверждала, что гендерные маркировки субъективности являются социально сконструированными и производятся определенными типами властных стратегий. Концепция желания как производства Ж. Делези заключается в том, что желание является материальной трансформацией жизненной стратегии, что может составить основу независимой женской субъективности в культуре. Философия феминизма вносит существенный вклад в отказ от практик бинарного философского мышления, поскольку в ней не воспроизводится традиционная патриархатная структура идентичности.

На теорию феминизма повлияли: психоанализ З. Фрейда (конец 19-го – 20 вв.) и социологическая теория разделения половых ролей Т. Парсонса и Р. Бейлса (начало 20-го – до 70-х гг. 20 в.). Психоанализ Фрейда сводился к тому, что механизмом формирования психических качеств женщины является зависть к мужчине. Подобные выводы всячески критикуются и оспариваются феминистками впоследствии. Парсонс и Бейлс разработали структурно-функциональный анализ общества, представив его в качестве социальной системы с инструментальной и экспрессивной функциями. В гендерном отношении эти функции распределяются следующим образом: профессиональная деятельность мужчины предопределяет его главенство в семье, а домашний труд женщины – ее подчиненную роль. Таким образом, мужчина выполняет инструментальную, а женщина – экспрессивную функцию. Такая сегрегация ролей оберегает от разрушения брака и семьи.

Под влиянием различных тенденций феминизм 20 в. сформировался в либеральное, радикальное и социалистическое направления. Так, либеральный феминизм (Э. Росси, Д. Ричардс, С. Окин) выдвигал идею равенства мужчин и женщин как рациональных существ, отрицал всякие различия. Теоретики социалистического феминизма А. Коллонтай, К. Цеткин, Э. Голдман (марксистки); З. Айзенштайн, М. О'Брайен (социалистки) в качестве причин дискриминации считали частную собственность и классовую структуру общества. Классовые и гендерные отношения пересекаются в жизни женщины, влияют на ее судьбу. Наиболее влиятельной фигурой феминизма в целом является

представительница его радикального направления – Симона де Бовуар («Второй пол»). Она считает, что общество конструирует мужское/маскулинное как позитивную культурную норму, а женское/феминное – как негативное, как отклонение от нормы, как Другое. Возникает основной вопрос феминизма, на который пока нет ответа – «Почему женщина – второй пол?».

Помимо перечисленных направлений феминизма выделяют также психоаналитический (конец 20 в.) и постмодернистский феминизм (также конец 20 в.). Психоаналитический феминизм опирается на андрогинную модель взаимоотношений мужчин и женщин. Например, К. Хорни и К. Томпсон убеждены, что не существует универсального женского и мужского «Я», а существует столько же «Я» (личностей), сколько и людей. Д. Диннерстайн и Н. Чодороу предлагают институционализацию «дуального родительства». Психологическое и психоаналитическое направление развивали также Э. Эриксон и Колберг с идеей о том, что психические качества врожденны; овладение половыми ролями – процесс познания мира.

Постмодернистский феминизм (С. де Бовуар, К. Дельфи, М. Виттиг, Л. Иригарэй, Ю. Кристева, Д. Батлер, Р. Брайдотти) делает основные выводы деконструктивистского подхода, бросающего вызов традиционным оппозициям эссенциализма. В качестве основной цели феминизма этого периода выступает свобода от подавления мысли, деконструкция бинарности мышления, его маргинальности.

Кроме теории феминизма развивалось биологистское направление объяснения гендерных различий. Мысль о том, что доминирование мужских особей биологически детерминировано, впервые высказали Л. Тайгер и Р. Фокс. Свой вклад в эту теорию внес отечественный исследователь Геодакян, считавший, что генетическая структура женщины накапливает и передает информацию будущим поколениям. Биологическая структура мужчины приспособлена для поиска и сбора новой информации. Таким образом, мужчины предстают творцами, а женщины – консерваторами [3; 4; 5].

Наиболее популярными отечественными источниками по истории гендерных исследований являются работы О.А. Ворониной, С. Шакировой, С.Г. Айвазовой, Е. Гаповой и А. Усмановой, И.В. Костиковой, Г.А. Брандт.

Изучив этапы становления «феминного» и «маскулинного», О.А. Воронина в «Теории и методологии гендерных исследований» выделяет два априорных принципа формирования феминистских концепций: 1) биологический детерминизм или эссенциализм; 2) антагонизм мужской и женской ролей. Она отмечает, что «современная гендерная теория не пытается оспорить существование биологических и психических различий между женщинами и мужчинами». Автор подчеркивает, что «сегодня важна социокультурная оценка и интерпретация, а также построение властной системы на основе этих различий» [3, с. 48]. В статье «Оппозиция духа и материи: гендерный аспект» Воронина отстаивает непосредственную связь гендера с философией, так как «...немалую роль в формировании гендерных различий сыграли различные интеллектуальные теории, в том числе и философские». Принцип нормативного дуализма (бинарной оппозиции мужского и женского) или гендерный символизм оказывается одним из факторов формирования «традиционной западной философии как системы производства знания о мире» [6].

С. Шакирова рассмотрела проблему эпистемологического плюрализма феминистского понимания гендера. В статье «Толкования гендера» особый акцент она сделала на понятии гендерной идентичности, введенном Р. Столлером в 1963 г. Автор, проанализировав различные концепции, также отметила, что в феминизме дискуссии о половой идентичности оформились в спор между биологическим детерминизмом и социальным конструктивизмом. Шакирова заключает, что на «вопрос С. де Бовуар «Женщиной рож-

даются или становятся?» эссенциалисты отвечают – рождаются, а социальные конструктивисты – становятся». Автор приводит третью точку зрения американки Дайаны Фасс. «В своей книге «Говоря по существу» («Essentially Speaking») она делает вывод о том, что непреодолимого барьера между такими, казалось бы, крайними концепциями, как эссенциализм (за различия) и социальный конструктивизм (за равенство) на самом деле нет. Доведенные до логической крайности, они переходят друг в друга. Эссенциализм может подписаться под всеми теориями конструктивизма, а последний действует как более умудренная форма эссенциализма». Сама С. Шакирова уходит от однозначной постановки собственной точки зрения на судьбу феминизма как прародителя гендерной теории, оставляя это право за читателями. Однако она указывает уровни восприимчивости к гендеру у отечественных гуманитариев: высокий (адепты), средний (сомневающиеся) и низкий (критики). Самая многочисленная, по ее мнению, – группа адептов, для которых гендер – «социальный пол» или «социальный конструкт пола». Главный вопрос о гендерном равенстве и гендерных (половых) различиях до сих пор остается в подвешенном состоянии [5].

А. Усманова в работе «Визуальный поворот» и гендерная история» отмечает, что «гендерная история бросила вызов традиционной историографии, отвергнув «вечную и внеисторическую Женщину» [7].

Г.А. Брандт в публикации «Гендерные исследования в России: особенности и проблемы» рассматривает отношения гендерных исследований с феминизмом для того, чтобы установить первоисточник формирования гендера. Автор считает, что «феминизм, по крайней мере в своем теоретическом самосознании, перерос этимологию своего слова, что он не только против мужчин и за женщин, он – за адекватное понимание жизненной практики человека любого пола, что он, наконец, вообще совершил революцию в самопознании человека, «открыв», что у него есть пол» [8]. В статье «Современный феминизм» Брандт продолжает позиционировать возникновение гендера как заслугу теории феминизма. Автор классифицирует феминистские направления в соответствии с философией толкования гендерного подхода, то есть реализацией «женского» в социальном пространстве. Главной целью феминистских исследований природы женщины является «снятие пресловутой дихотомии «женщина – природа, мужчина – культура» [9].

А.А. Костикова в статье «Гендерная философия и феминизм: история и теория» проследила эволюцию философии гендера. Автор делает следующий вывод: «Движение философии XX–XXI века – попытка преодолеть одновременно бинарное рассмотрение мира и дихотомичное построение самой философии. Проблема субъективности и идентичности субъекта становится одной из центральных. Сексуальность начинает рассматриваться как социальный конструкт со своими формами проявления» [10].

С. Жеребкин также считает, что патриархатная традиция в западноевропейской философии возникает на этапе, когда в ней начала формироваться модель человеческой субъективности, основанная на бинарной оппозиции разума и тела, мужского и женского. Данная логика является концептуальной основой патриархатной метафизики в целом, которую в современной философии называют фаллоцентризмом. Женское тело определяется как стихийное и деструктивное природное начало, влияние которого на культуру несет в себе угрозу и должно быть нейтрализовано. Поэтому на протяжении длительного исторического периода в интеллектуальной истории человечества господствует установка, которая позже получила название мизогинии (женоненавистничества) – нейтрализация и исключение женского как из системы рационального философского мышления, так и из системы организации общественной жизни [11].

Историко-философское разделение понятий «пол» и «гендер» легло в основу теории гендера как культурной метафоры, которая формирует в общественном сознании гендерные стереотипы. Так «мужское» отождествляется с силой, активностью, рациональностью, культурой, а «женское» – со слабостью, пассивностью, эмоциональностью, природой. Гендер, с такой точки зрения, предстает в качестве основного культурного фактора, формирующего традиционную патриархатную систему [12, с. 189]. Т. Б. Рябова исследовала характеристику гендерных стереотипов и определила их сущностные свойства: 1) эмоционально-оценочный характер; 2) устойчивость и стабильность; 3) нормативность. Структура гендерных стереотипов, по ее мнению, подразделяется на два уровня: персональный и культурный. Среди функций автор выделяет функцию поддержания групповой идентичности, когнитивную и социальную. Рябова отмечает, что помимо культурного фактора, на гендерную стереотипизацию влияют национальность, класс, возраст. Она делает прогноз последствий гендерной стереотипизации в обществе: 1) человек будет стремиться репрезентировать себя в социально приемлемой манере; 2) неуверенность женщин в своих возможностях может возрастать вследствие психологического эффекта «самовыполняющегося пророчества»; 3) мужчина, ориентированный на стереотип маскулинности, может испытывать стресс от несоответствия этому образу [13].

Очевидно, что необходимо искать пути преодоления гендерной стереотипизации. В.А. Луков и В.Н. Кириллина анализируют взаимодействие феминного и маскулинного в качестве гендерного конфликта, который заключается в следующем: «необходимость симметрии двух начал на витальном уровне не переходит автоматически на транзитивный уровень и не становится сущностным основанием социокультурных практик». Непонятна причина этого процесса, ведь «нет серьезных аргументов считать, что мужская или женская модель неоспоримо прогрессивна или реакционна». Таким образом, мы имеем дело с постановкой вопроса о двух гендерных культурах [14].

Большую ясность в проблему воспроизведения стереотипного поведения внесла теория гендерной системы общества. Основным ее элементом является гендерный контракт, который формирует гендерный порядок. Совокупность гендерных контрактов образует гендерную систему. Она включает три взаимосвязанных компонента: социальную конструкцию гендерных категорий на основе биологического пола; половое разделение труда, в соответствии с которым мужчинам и женщинам предписываются разные роли; социальную регуляцию сексуальности, позитивно оценивающую одни формы сексуального поведения и негативно – другие.

Так, А. Темкина и А. Роткирх изучили гендерные контракты советского и постсоветского периодов. В советском гендерном порядке они выделяют следующие контракты: официальные – «работающая мать», повседневные и нелегитимные. Начиная с конца 1980-х годов (постсоветский период) происходит их реконфигурация. Конкуренция старого и нового гендерных порядков создает ситуацию неопределенности и поливариантности [15]. Таким образом, «в основе гендерной государственной политики лежит гендерный порядок, который формируется под воздействием многих факторов. Среди них – государственная политика, экономические отношения, коллективные представления, религиозное влияние и этнические традиции, образы мужчин и женщин в культуре, повседневная культура семейных и интимных отношений» [16].

А.А. Темкина и Е.А. Здравомыслова осмысливают гендерные отношения в классических и постклассических социологических теориях и предлагают структурно-конструктивистский подход, сочетающий концепты социального конструирования гендера и гендерной композиции. Первый концепт рассматривает динамическое измерение гендерных отношений на микроуровне – процесс создания и воспроизводства пола/гендера в

процессе взаимодействия. Второй – концентрируется на структурных факторах, определяющих рамки гендерных отношений. Ученые приходят к выводу, что объединительная парадигма позволяет анализировать гендерные отношения как процесс взаимодействия агентов и социальных структур. Таким образом, гендерные отношения имеют шанс подвергнуться рефлексии и измениться. Разработав новую модель гендерных отношений, исследователи подчеркивают, что гендерный подход остается маргинальным в системе общественного знания [17].

Тем не менее, благодаря появлению гендерных исследований и их развитию, пол в социальной теории рассматривается как инструмент современной социальной детерминации и стратификации (наравне с классом, этносом, конфессией, культурой), а актуальные социальные проблемы – власть, насилие, самосознание, свобода – предстают как проблемы, связанные с принадлежностью к определенному полу [18].

Ссылки:

1. Дорофей Ю.О. Гендерные стереотипы в античности // Ученые записки Таврического национального университета им. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 22 (61). 2009. № 2.
2. Москвина М.И. Гендерные начала в философии античных мыслителей // Материалы XXXIX научно-технической конференции по итогам работы профессорско-преподавательского состава СевКавГТУ за 2009 год. Т. 3. Общ. науки. Ставрополь, 2010. 131 с. [Сайт]. URL: <http://www.ncstu.ru> (дата обращения: 13.04.2011).
3. Теория и методология гендерных исследований : курс лекций / под общ. ред. О.А. Ворониной. М., 2001. 416 с.
4. Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования. Ч. 1. Харьков, 2001.
5. Шакирова С. Толкования гендера // Пол женщины : сб. статей по гендерным исследованиям. Алматы, 2000. С. 6–32.
6. Воронина О.А. Оппозиция материи и духа: гендерный аспект // Вopr. филос. 2007. № 2.
7. Усманова А. «Визуальный поворот» и гендерная история // Гендерные истории Восточной Европы : сб. науч. статей / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Петто. 2002.
8. Брандт Г.А. Гендерные исследования в России: особенности и проблемы // Гендерные отношения в современной России. Самара, 2003.
9. Брандт Г.А. Современный феминизм: переворот в историко-философский антропологической традиции Западной Европы // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / под ред. Л.П. Репиной. М., 2003. № 6. С. 148–198.
10. Костикова А.А. Гендерная философия и феминизм: история и теория // Общество и гендер / материалы Летней школы в Рязани 1–12 июля 2003 года. Рязань, 2003.

References (transliterated):

1. Dorofey Y.O. Genderne stereotipy v antichnosti // Uchene zapiski Tavricheskogo natsional'nogo univesriteta im. Vernadskogo. Serie «Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya». Tom 22 (61). 2009. No. 2.
2. Moskvina M.I. Genderne nachala v filosofii antichnyh mysliteley // Materialy XXXIX nauchno-tehnicheskoy konferentsii po itogam raboty professorsko-prepodavatel'skogo sostava Sev-KavGTU za 2009 god. Vol. 3. Obshch. nauki. Stavropol', 2010. 131 s. [Site]. URL: <http://www.ncstu.ru> (Date of access: 13.04.2011).
3. Teoriya i metodologiya gendernyh issledovaniy : kurs lektsiy / ed. by O.A. Voronina. M., 2001. 416 p.
4. Zherebkin S. Gendernaya problematika v filosofii // Vvedenie v genderne issledovaniya. Pt. 1. Har'kov, 2001.
5. Shakirova S. Tolkovaniya gendera // Pol zhenshchiny : sb. statey po gendernym issledovaniyam. Almaty, 2000. P. 6–32.
6. Voronina O.A. Oppozitsiya materii i duha: genderniy aspekt // Vopr. filos. 2007. No. 2.
7. Usmanova A. «Vizual'niy povorot» i gendernaya istoriya // Genderne istorii Vostochnoy Evropy : sb. nauch. statey / ed. by E. Gapova, A. Usmanova, A. Petto. 2002.
8. Brandt G.A. Genderne issledovaniya v Rossii: osobennosti i problemy // Genderne otnosheniya v sovremennoy Rossii. Samara, 2003.
9. Brandt G.A. Sovremenniy feminizm: perevorot v istoriko-filosofskiy antropologicheskoy traditsii Zapadnoy Evropy // Adam i Eva. Al'manah gendernoy istorii / ed. L.P. Repina. M., 2003. No. 6. P. 148–198.
10. Kostikova A.A. Gendernaya filosofiya i feminizm: istoriya i teoriya // Obshchestvo i gender / materialy Letney shkoly v Ryazani 1–12 iyulya 2003 goda. Ryazan', 2003.

11. Жеребкин С. Указ. соч.
12. Ростова А.В. Категории «пол» и «гендер» как категории анализа гендерных отношений // Вестник СамГУ. 2007. № 3 (53). С. 185–191.
13. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3–4. С. 3–12.
14. Луков Вал. А., Кириллина В.Н. Гендерный конфликт: система понятий // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 86–101.
15. Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социс. 2002. № 10 ; Attwood L. The Post-Soviet Woman in the Move to the Market: a Return to Domesticity and Dependence? // Women in Russia and Ukraine / Ed. by R. Marsh. Cambridge, 1996. P. 254–266.
16. Здравомыслова Е., Темкина А. История и современность: гендерный порядок в России // Гендер для «чайников». М., 2006. С. 56–59.
17. Темкина А.А., Здравомыслова Е.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15–23.
18. Климова В.В. Гендерное просвещение в условиях глобализации // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». 2009. № 3 (4). Октябрь. URL: www.grani.vspu.ru (дата обращения: 13.04.2011).
11. Zherebkin S. Op. cit.
12. Rostova A.V. Kategorii «pol» i «gender» kak kategorii analiza gendernyh otnosheniy // Vestnik SamGU. 2007. No. 3 (53). P. 185–191.
13. Ryabova T.B. Genderne stereotipy i gendernaya stereotipizatsiya: metodologicheskie podhody // Zhenshchina v rossiyskom obshchestve. 2001. No. 3–4. P. 3–12.
14. Lukov Val. A., Kirillina V.N. Genderniy konflikt: sistema ponyatiy // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2005. No. 1. P. 86–101.
15. Temkina A., Rotkirh A. Sovet-skie genderne kontrakty i ih transformatsiya v sovremennoy Rossii // Sotsis. 2002. No. 10 ; Attwood L. The Post-Soviet Woman in the Move to the Market: a Return to Domesticity and Dependence? // Women in Russia and Ukraine / Ed. by R. Marsh. Cambridge, 1996. P. 254–266.
16. Zdravomyslova E., Temkina A. Istoriya i sovremennost': genderniy poryadok v Rossii // Gender dlya «chaynikov». M., 2006. P. 56–59.
17. Temkina A.A., Zdravomyslova E.A. Sotsiologiya gendernyh otnosheniy i genderniy podhod v sotsiologii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2000. No. 11. P. 15–23.
18. Klimova V.V. Gendernoe prosveshchenie v usloviyah globalizatsii // Elektronniy nauchno-obrazovatel'niy zhurnal VGPU «Grani poznaniya». 2009. No. 3 (4). Oktyabr'. URL: www.grani.vspu.ru (Date of access: 13.04.2011).